

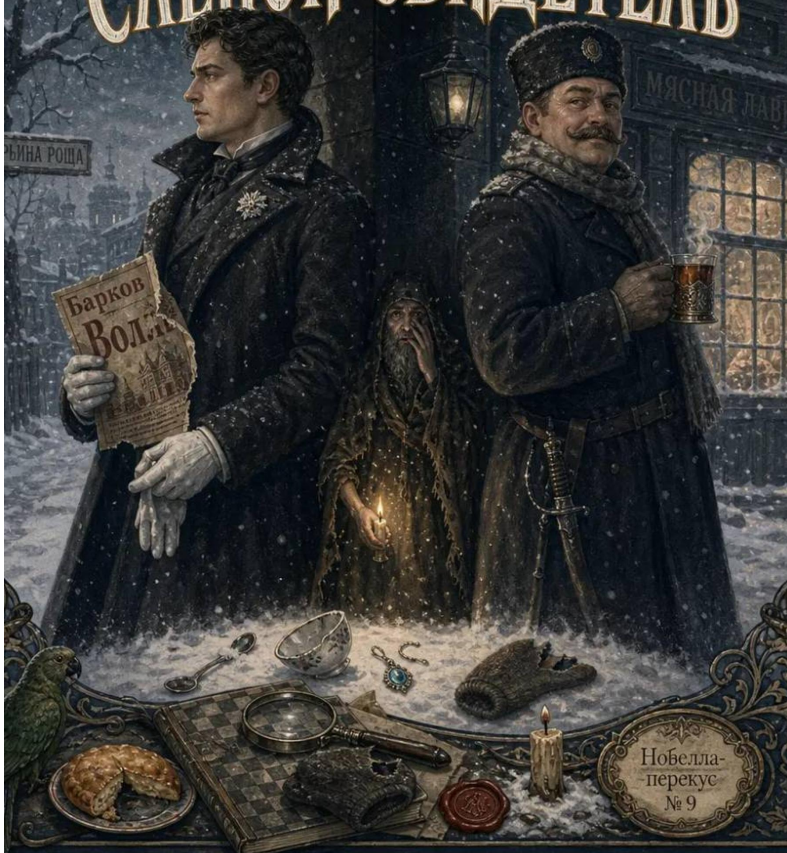
ХРОНИКИ РУССКОГО СЫСКА

Сергей Диковинный

ВЫПУСК

№2

СЛЕПОЙ СВИДЕТЕЛЬ

Нобелла-
перекус
№ 9

Сергей Диковинный

Хроники русского

сыска. Выпуск второй.

Слепой свидетель

<https://litres.ru/74483552>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1886 год. Московское сыскное отделение, агент Игнат Куракин — человек нелюдимый, с чемоданом вместо портфеля и с театральным прошлым, о котором не рассказывает никому. При нём околоточный надзиратель Иона Васин — двадцать лет службы, тетрадь в клетку и привычка записывать всё, даже то, что не понимает.

Четыре дела. Четыре московских зимы и вёсны.

Дело первое — о человеке, который не мог умереть дважды. Дело второе — о том, кого взяли на сцене. Дело третье — о театре «Аркадия», где нашлось три Баркова, а убийц оказалось двое. Дело четвёртое — о «Фениксе», который сгорел и возродился из пепла.

Куракин не гонится за преступником. Куракин даёт ему думать, что его не видят. А Васин записывает: «След всегда

больше вещи», «Актёр играет чужую жизнь, сыщик читает свою», «Пирожок у Егорова с капустой».

Цикл исторических детективов о двух следователях, которые ловят московских убийц не погоней, а терпением.

Содержание

Глава 1. Мясной запах	5
Глава 2. Дело пахнет иначе	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Хроники русского сыска. Выпуск второй. Слепой свидетель

Глава 1. Мясной запах

Меня разбудили ни свет ни заря.

Я, Иона Аркадьевич Васин, околоточный надзиратель второго участка Пречистенской части, сидел у себя в каморке у Мясницких ворот, в шинели поверх халата, и смотрел, как Агафья выносит мне горячий чайник.

Чайник был медный, закопчённый. От него шёл такой пар, что на нём можно было разглядеть морозное солнце.

— Два куса, — сказала Агафья. — И не больше.

— Почему два-то?

— Вчера три положил. Я видела.

Я не стал спорить. Она была права. Она всегда права, а я всегда нет, и мы оба к этому давно привыкли.

Только я взялся за стакан — в дверь постучали.

Вошёл городской с Марьиной рощи. Молодой. Утренний ужас ещё не успел сойти с него, но держался он ровно.

— Ваше благородие. Там торговка убитая. В лавке. Астахова.

Я поставил стакан. Так осторожно, что не расплескал.

Чаю в тот день я так и не выпил. И это, пожалуй, единственное, что я о том деле помню с сожалением.

Марьиная роща в декабре — это не место. Это запах.

Мясной — от лавок и лабазов. Мороженный — от снега. Промозглый — от людей, которые там жили: от нищих, от беспризорных, от юродивых, от всех, для кого Марьиная роща была не окраиной, а последним прибежищем.

Лавка Катерины Астаховой стояла в конце порядков, у самого откоса. Мясных лавок тут было немного, и все они держались крепко. А у Катерины был ещё второй промысел.

Она пускала спать тех, кому некуда.

Нищих. Старух. Бродячих актёров без ангажемента. Всех, за кого не заступался никто.

А теперь её саму убили. И заступиться за неё тоже было некому.

Я вошёл в лавку.

Сундучок вскрыт. Пол взрыт. Денег нет. Серебра нет. Всё — как по писаному.

И ещё — с порога слышался запах. Мясо. Уксус. И чуть-чуть — железом.

Я вышел наружу и не мешал.

На улице уже давали сцены — и без меня.

Урядник Прудников сидел на табурете и писал протокол. «Разбойное дело», «грабёж», «следствие прекращается в кратчайшие сроки». Прудников славился тем, что не лю-

бил длинных дел. Как и всякий неумный малый.

И тут показался Куракин.

Он шёл по улице ровно, будто утро было не морозное, а апрельское. Сюртук отличного сукна. Трость. Безупречно белые перчатки — на морозе, где всё белое часа не выдерживает.

За ним, чёрт знает откуда прибившись, ковылял старый шарманщик с шарманкой без валика. На плече у него сидел зелёный попугай. Архип.

Куракин вошёл в лавку. Осмотрелся. Никого ни о чём не спросил. Прошёлся. Посмотрел на сундучок, на полки, на снег у порога.

Потом обернулся к Прудникову.

— Прудников. Полог отчего сняли?

— Какой полог, ваше благородие?

— Тот, что на крюке у входа висел. Его утром сняли. На снегу — четыре дырки от крючьев. Я по ним вижу.

Прудников растерялся.

Куракин снял перчатки. Присел. Поднял с полу что-то маленькое.

Мужская рукавица. С левой руки. Старая. Большой палец оторван.

— Разбойное дело, значит, — сказал он задумчиво. — Рукавица на полу. Полог снят. Четыре дырки. Занятно.

Он положил рукавицу в карман — аккуратно, в промокашку.

На улице поднялся гвалт.

Городовой вёл под руки небольшого сутулого старика в старой ряске с чужого плеча. Дырявый платок поверх шапки. Длинная седая борода. Шёл он сам. Не сопротивлялся.

Юродивый Митрофан.

Куракин посмотрел на него долго.

— Отпустите, — сказал он.

Городовой отпустил.

Митрофан постоял. Посмотрел на лавку. Обернулся на Куракина. Перекрестился. И сказал хрипло, показывая пальцем то на Куракина, то в сторону приезжего тракта:

— А-а-а-ртист!

Один раз. Разборчиво. Как умел.

Прудников загоготал.

— Ваше благородие, что вы его слушаете? Он юродивый. Он мне позавчера про театральную маску говорил, которая куковать будет. А вчера — про белого кота, которого в доме нету.

Куракин промолчал. Только посмотрел на Прудникова ровно, без всякого выражения.

Прудников замолчал сам.

Я стоял рядом и думал: вот оно. Разбойного дела у нас больше нет. У нас теперь дело Куракина.

Шарманка тихо играла в стороне. Архип сидел на плече у Лукьяна и дремал.

А Митрофан всё стоял на снегу и повторял уже шёпотом:

— Артист. Артист. Артист двух лиц.
Так началось наше второе дело.

Глава 2. Дело пахнет иначе

Куракин начал с лавки. Не потому что там труп, а потому что там начало.

— Место всегда первое, — сказал он и снял вторую перчатку.

Мы вошли. В лавке было холодно, как в погребке. Тело уже убрали, но на полу остался контур — обведённый мелом рукой Прудникова. Кривовато, я бы сказал.

Крови почти не было. Так, пятно у сундучка. Небольшое, аккуратное.

— Ты на кровь не смотри, — сказал Куракин, будто прочитал мою мысль. — Кровь на полу — для доктора. Смотри на воздух.

— На какой воздух?

— Пахнет, — сказал он. — Слышишь?

Я принялся.

— Мясо. Уксус. И железом малость.

— Железом, — повторил Куракин. — Хорошо. Стало быть, ты слышишь.

Он прошёл к сундучку. Опустился на корточки.

— Мясом пахнет всякий день, — сказал он. — Так что мясо нам не в помощь. А вот железом пахнет тёплым. Так пахнет, когда серебро держали в руке.

Я посмотрел на пустой сундучок. Ложки, чашки, серьга. Рублей на двадцать. Всё выгребли, как по списку.

— Стало быть, разбойники взяли серебро и грелись им дорогой?

— Не грелись. Держали в руке. Близко подносили к лицу. Так принимают.

— Зачем?

— Затем, что не хотят брать. Берут — потому что надо. А не хотят.

У меня по спине прошёл холод. Бывает у меня такое — редко, но бывает.

Дальше Куракин читал лавку. Я так не умею. Я смотрел на него, как смотрят на фокусника, — только без удивления. Удивляться Куракину я себе давно запретил: всё равно не поможет.

Он прошёлся по полу. Погладил ладонью полки. Опустился на корточки у порога и долго смотрел на снег, который тут же, у двери, был чуть взрыт.

Обернулся ко мне.

— Иона Аркадьевич. Сколько в лавке было человек?

— Один убил, — говорю. — Может, двое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.